

Расстрелянный Ярославль

ПЕЧАЛЬНАЯ ДАТА

В истории Ярославского восстания, которое произошло 90 лет назад, ещё много белых пятен. Поражает, как могли несколько сотен офицеров и поддержавших их горожан на протяжении 16 дней – с 6 по 21 июля 1918 года – отражать атаки превосходящих сил противника. Не надеясь на своих солдат, руководители красных решили применить «убойный аргумент» для подавления восстания – артиллерию. По городу, как признался в своих воспоминаниях один из лидеров большевиков – Александр Громов, было выпущено 75 тысяч снарядов. В ответ восставшие сделали только 500 выстрелов из двух орудий, которые смогли захватить в первый день восстания. Снаряды у них кончились на второй или третий день, пушки замолчали. Несмотря на это, большевики с каждым днём усиливали артиллерийский обстрел Ярославля. Сейчас журналист и исследователь Евгений Соловьёв, хорошо знакомый читателям «Северного края», готовит к печати книгу об истории Ярославского восстания под условным названием «Расстрелянный Ярославль». В ней будет собрано множество практически неизвестных фактов, документов и воспоминаний о событиях тех дней. Книга будет издана при поддержке «Фонда Анатолия Лисицына». Одна из глав посвящена обстрелу города красной артиллерией. Мы предлагаем вниманию читателей отдельные выдержки из будущей книги.

«Наступило 8 июля, этот день мне более всего достопамятен, так как именно тогда начался пожар, который, я думаю, никто не забудет, кто спасался и от огня, и от стрельбы.

Утро 8 июля было тихое, светило приветливо солнце, как бы говоря, что, мол, я на ваши жилища свечу и грею последние часы, обыватели стали доставать зарытое своё имение, чтоб высушить промокшие вещи на солнышке. К полудню стрельба возобновилась с новой силой, а стреляли зажигательными снарядами в тот район, где я проживал в Козьей Слободке (ныне участок улицы Рыбинской, что за цирком).

Вот один за другим влетают снаряды в двухэтажный деревянный дом, моментально вспыхивает в нём пожар. Мы как раз в это время сушили свои промокшие вещи, как услышали, что пожар за два дома от нас, стали спасать своё имущество, оттаскивая дальше от огня, но огонь беспощадно преследовал. И чем дальше оттаскивались, всё больше и больше оставляли свои вещи на пожарище. Через несколько минут огонь перекинулся на соседние дома и строения, и пламя моментально перекидывалось с одного дома на другой, и все кварталы Никитской (улица Салтыкова-Щедрина), а затем Пошехонской, Козьей Слободки были в огне, а огню гулять

ра бойцы продолжили обстрел города шрапнелью.

Помогал в организации артиллерийского дела на станции Всполье оказавшийся в расположении красных губернский комиссар мест заключения Ни-

В течение нескольких последующих дней на Тугову гору в дополнение к первому красные подтащили ещё три орудия, по другим сведениям – все пять или даже шесть. Во время подавления восстания командовал этой батареей беспартийный товарищ Карасёв, бывший прапорщик, который в конце

германских. По лицу был открыт орудийный огонь, и случайно попавшим зажигательным снарядом он был сожжён, очевидно. ...Мы ударили шрапнелью. На дворе были навалены стружки, которые загорелись, и пожар уничтожил здание».

В течение первых дней красные также установили на

на 7 июля они видели, как «весь город пылал в огне». Большевик Григорий Петровичев, который в первый день восстания уехал в Ростов и вернулся в Ярославль поздно вечером 7 июля, увидел горящий Ярославль. «Московское шоссе освещалось заревом пожаров Спасского монастыря, дома Социна (угол Московского проспекта и Малой Пролетарской) и справа лица. ...На Туговой горе ухало орудие, посылавшее в город снаряды. Ночь была тихая, отсутствие паровозных свистков и суетливой толкотни на шоссе и у вокзала придавало ещё больше тишины. Эхо от выстрелов орудий, ничем не заглушаемое, разносилось далеко по окрестности», – писал он по итогам событий.

Как сообщал в своих донесениях в Москву штаб на станции Всполье 7 – 8 июля, Ярославль «от наших снарядов в десяти местах горит. У белогвардейцев артиллерии нет».

7 июля штаб восставших обнародовал для горожан извещение № 1, в котором сообщил о текущем состоянии дел. Среди фактов и вымыслов (в частности, об окружении Московского Кремля восставшими) повстанцы сообщили, что «Северная добровольческая армия повсюду успешно теснит отряды красноармейцев, несмотря на то, что избегает применять артиллерийскую стрельбу, чтобы не повредить дома мирных жителей». Одновременно указывается на разрушительные обстрелы красной артиллерией центральных кварталов города – «отряды большевиков, руководимые военнопленными германцами и мадьярами, стараются уничтожить народные святыни и культурные ценности. Изуверы, озлобленные неудачами, обстреливают церкви и монастыри зажигательными снарядами, от которых выгорела часть Спасского монастыря. Сбит снарядами купол собора (Успенского)».

Штаб красных на станции Всполье решил 7 июля повторить неудавшееся накануне вечером наступление на позиции повстанцев, когда новгородские бойцы дошли до Духовской улицы (ныне Республиканская), но были оттеснены белыми. Для новой атаки вечером 6 июля большевики начали активный артиллерийский обстрел района Сенной площади.

Как писали краеведы Шевяковы, «снаряды рвались над Вознесенскими казармами, церковь Вознесения Господня, трамвайное депо и электростанция».

чердаках пулемётов. Потеряли большевики...».

Большевики, узнав о местонахождении пулемётов восставших, решили сбить их с помощью артиллерии. Приказ отдавал Александр Громов. После одного из таких орудийных выстрелов загорелся дом на Пошехонской улице (ныне Володарского), в котором проживала семья большевика. Как раз в момент обстрела у беременной жены Александра Громова начались роды. Случилось непоправимое. Большевик вспоминал: «Загорелась первая моя квартира, и после выяснилось: жену перенесли в другой дом через дорогу... рождался сын... горит и этот дом, потолок валится... акушерка бежит, оставляя жену и ребёнка, также и мать жены уходит. Жена без памяти выползает, и смележа на столе, горит. Увидав наблюдательного пункта, чужой дом совсем сгорел, открывенно скажу, отчаялся, и только потому, что заставляло предположение о сгоревшей семье, нет...».

На этом воспоминание о сгоревшем ребёнке прервалось. Советские историки дополнили их следующей смысловой точкой: «Какова судьба Громова – он не знал. Тем не менее Громов продолжал руководить боевыми операциями против белых».

Обстрел красной артиллерией района Сенной площади привёл к новым пожарам. В два часа дня уже горели трактир Львова и расположенные рядом дома. Огонь распространялся стремительно, только к полудню уменьшилась его сила, когда пламя уничтожило почти весь дом на Большой и Малой Улических улицах (ныне Свободная и Угличская).

7 июля красные войска также повторили атаку на Николаево-Мокринские казармы и позиции восставших у церкви Николая Мокрого. Накануне вечером территория уже была в руках большевиков, однако ночью они были выбиты в ходе контратаки бойцами Северной добровольческой армии. Для укрепления линии фронта белые установили пулемёт на колокольне храма Николая Мокрого, значительно увеличив угол и дальность обстрела противника.

Утром 7 июля красная артиллерия со станции Всполье начала обстрел позиций восставших. Под огонь попали колокольня и храм, а также близлежащие жилые дома. Ближе к вечеру начался атака – от

колай Казаданов, ранее служивший в 7-й артиллерийской бригаде. Орудия на станции Всполье обстреливали город практически без передышки. Пока одна смена артиллеристов работала, другая спали поч-

1917 – начале 1918 года служил начальником учебной команды 209-го полка, расквартированного в Ярославле.

Как вспоминал очевидец И. Костылев, который жил на Которосльской набережной, 6

берегу Которосли напротив центра города ещё несколько орудий. Одна пушка была установлена рядом с церковью Иоанна Златоуста в Коровниках и вместе с пулемётной командой остановила белогвардейцев,

стронный друг от дружки. В это время что град сыпался снарядами, пули над головами бегущих жителей, сколько в этот день погибло людей, жилищ, животных от мятежа белогвардейской шайки.

В этот день в несколько часов сгорела большая часть города в районе Мышкинской (улица Лисицына), Пошехонской (улица Володарского), Никитской (улица Салтыкова-Щедрина), Сенной площади (площадь Труда), Владимирской (улица Рыбинская), Рождественской (Большая Октябрьская улица), Петровской (проспект Толбухина) и другие улицы, где проживали рабочие слои населения».

Из воспоминаний очевидца А. К. Кожевникова, во время восстания ему было 12 лет.

ПЕРВЫЕ ЗАЛПЫ ОРУДИЙ

Подавление Ярославского восстания не смогло бы состояться без активного использования красными войсками ударной силы артиллерии и бронепоездов. Они были направлены в Ярославль для разгрома Северной добровольческой армии. Будучи не в состоянии взять захваченный город штурмом, большевики применили тактику тотальных артиллерийских обстрелов, что привело к ужасающим разрушениям и гибели десятков мирных жителей.

Уже в первый день восстания — в полдень 6 июля — у красных появилась первая артиллерийская батарея. Как описывали советские историки, в ходе осмотра вагонов, стоящих на станции Всполье (Ярославль-Главный) на запасных путях, рабочий Суслов обнаружил платформы с трёхдюймовыми орудиями. Артиллерия под охраной караульной команды следовала из Рыбинска в Читу на фронт с белыми и из-за восстания застряла в Ярославле. Как вспоминал командир стоящего в эшелонах на станции Новгородского батальона Александр Поляков, ему в 11 утра доложили, что «на платформе стоит 12 штук 3-дюймовых новеньких орудий и несколько вагонов снарядов. ...Узнав, есть ли среди моих красноармейцев артиллеристы, коих нашлось человек 6 — 7, я приказал подать две платформы с орудиями к площадкам, чтобы выгрузить орудия для стрельбы».

В два часа дня четыре пушки были установлены на платформе и готовы к стрельбе. Орудия навели на центр Ярославля, где, по данным разведки, находился штаб белых. Александру Полякову пришлось лично сделать по одному первому выстрелу из каждой пушки, поскольку, как он вспоминал, «красноармейцы стрелять отказались, говоря, что там есть мирные граждане». После примера команди-

ных была установлена неподалёку от стихийно созданного штаба и водных резервуаров. Как вспоминал большевик Григорий Петровичев, «в первые дни белогвардейцы, хотя и не так часто, обстреливали наш штаб из орудий. В одно утро один снаряд упал недалеко от штаба, а другой, кажется, в порожний вагон».

Вторая батарея красных была организована во второй половине дня 6 июля в районе станции Ярославль-Город (Ярославль-Московский), куда орудия были доставлены на платформах со станции Всполье. К этому времени повстанцы уже обстреливали из своих двух орудий кадетский корпус, где размещались казармы 1-го Советского полка, поддерживавшего большевиков (ныне Ярославское высшее зенитное ракетное училище ПВО — военный институт).

Первая пушка была установлена под виадук костромской линии железной дороги, который проходил над Московским шоссе. Как выяснили краеведы братья Шевяковы и Владимир Мясников, в начале боя у неё даже не было панорамы-прицела, и орудие пришлось наводить через ствол. Это сказалось на точности стрельбы. Артиллерийская бригада, сколоченная из числа железнодорожников и пехотных солдат под командованием Мексы, открыла огонь в три часа дня. Первые выстрелы пришлись по позициям красных — один снаряд угодил в часовню кадетского корпуса, второй полетел куда-то дальше.

Белые отвечали более меткой стрельбой, что заставило красных сменить позицию. К красным бойцам на подмогу пришли солдаты 1-го Советского полка. Вместе они перекатили орудие за главные Ярославские железнодорожные мастерские на Тугову гору, раздобыли прицел и подтащили снаряды. Новая позиция была очень выгодной — весь центр города открывался как на ладони. Орудие начало обстрел в четыре часа дня. Как вспоминал железнодорожник Ф. Чуркин, «после нескольких выстрелов и эта позиция была белыми нащупываема, один снаряд попал в окно мастерских, пробил две стенки тендера паровоза и упал рядом».

Именно отсюда красные начали обстреливать исторический центр Ярославля — Демидовский лицей на Стрелке, Успенский собор, Спасский монастырь и штаб белых, который размещался в гимназии Корсунской (почтамт) на Богоявленской площади, а также далее по берегу Которосли — мучкомольную мельницу Вахрамеева (мучкомольный завод № 1) и Никольские казармы (ныне на их месте военная финансово-экономическая академия).

том второй и третьей, и пошла

Сгоревшее здание Демидовского лицея на Стрелке (фото из архива ЯИАХМЗ).

канонада, так что стёкла дрожали. Жена спрашивает, что это значит, я и сам не знаю что ответить. Потом как ударило во второй этаж (я жил внизу), тогда мы поняли, что что-то неладно, и давай перебираться в подвал. Вещи, что было, закопал в землю. Хотели посмотреть на улицу, но было уже невозможно».

По сведениям из многих источников, 7 — 8 июля после обстрела красной артиллерией Стрелки, где некоторое время располагалась одна из двух пушек повстанцев, сгорел Демидовский юридический лицей — уникальное учебное заведение дореволюционной России с великолепной, редчайшей библиотекой. За годы существования Демидовского юридического лицея в нём работали известные учёные, профессора: крупнейший в стране специалист в области истории русского права Михаил Владимирович-Буданов, учёный-педагог Константин Ушинский. Выпускниками лицея были революционер Николай Подвойский, писатель-фантаст Александр Беляев, поэт Максим Богданович, видные юристы Илья Гурлянд, Алексей Потехин, Валериан Ширяев и многие другие. Ярославский Демидовский юридический лицей стал настоящей кузницей юристов России. После пожара здание так и не было восстановлено, а в 1924 году его разобрали на кирпич.

На суде над руководителем Ярославского восстания Александром Перхуровым у большевика Александра Громова спросили о причинах обстрела Демидовского лицея. Он ответил: «Там происходила вербовка в белогвардейскую армию и были устроены блиндажи по мотиву

Погорельцы пытаются спасти хоть что-то из имущества (фото из архива музея ВС РФ).

коло-Тропинской церкви недалеко от берега Которосли — напротив Спасского монастыря.

Три батареи в закаторосельной части Ярославля, как установили краеведы братья Шевяковы, в целом обслуживали около 300 человек, включая подсобных рабочих, женщин и подростков, которые подвозили снаряды и участвовали в хозяйственных работах. По воспоминаниям 15-летнего участника событий И. Орехова, «потом к нам (на батарею) прислали наблюдателя, расставили нас в цепь на расстоянии друг от друга около 25 метров, и мы передавали его указания товарищам, которые стреляли из пушек, по каким объектам вести обстрел. Он давал команду стрелять то взрывными, то зажигательными снарядами».

ГОРОД В ОГНЕ

Первые артиллерийские обстрелы Ярославля стали причиной возникновения пожаров в центре города. По воспоминаниям очевидцев, уже ночью с 6

постройки трамвайного депо и

рета рядом с храмом. Пехоту пошла проверять захваченные постройки. Как вспоминал потом боец А. Флягин, «...мы вошли в лазарет. Двое с винтовками и бомбами остались у входа, а мы двое пошли наверх. Лазарет был пуст, только на сколько мертвецов лежали на койках, прикрытые одеялами. Мерцающий свет пожара и теньшина с этими мертвецами свивывали жутью».

Дальнейший ход событий восстановили краеведы Шевяковы. Они писали, что «с полудня 8 июля красная артиллерия начала усиленный обстрел церкви Николая Мокрого и её колокольни. Через два часа от разрыва снаряда загорелся 2-этажный деревянный дом Винокурова. От него огонь перекинулся на такое же здание — управление квартирного отдела, которое сгорело дотла. На пожарище остались только печные трубы да остова каменной постройки архива, где сгорели все документы. Ещё через два часа загорелся дом инженера Михайлова. Убегая от огня, его покинуло всё семейство — семь человек (включая пятерых детей) и прислуга. Спасая свои жизни и остатки имущества, многие погорельцы спрятались в манеже. В это время началась атака красных на церковь Николая Мокрого. Бойцы красных прорвались к манежу и предложили погорельцам перебраться в более безопасное место, но в условиях непрекращающейся стрельбы это было невозможно. Измученные люди остались в манеже, а к вечеру 8 июля вокруг него всё горело. На развороченную снарядами крышу манежа падали горящие угли, и засыпка чердака из древесных опилок начала куриться. Люди всю ночь заливали её водой, которую приходилось носить от водопровода ведрами. Здание манежа удалось отбить от огня, который пожирал всё вокруг ночь и весь следующий день. В итоге сгорели все здания военного лазарета, кроме двух различных деревянных бараков и некоторых служебных построек. Огонь уничтожил также цейгауз, конюшни, сараи и часть зданий Никольских казарм по набережной Которосли».

Повстанцы также подготовились к обороне своих позиций. Белые установили пулемёты на все прочные каменные сооружения на площади, включая Вознесенские казармы, церковь Вознесения, электростанцию, трамвайное депо, библиотеку, пожарное депо 2-й части с высокой каланчой и трактор Львова, который размещался на углу улиц Угличской и Пошехонской (ныне Свободы и Володарского).

В полдень 7 июля красные начали новую атаку по направлению к Сенной площади. Как вспоминал командант станции Всполье Александр Громов, по Угличской улице отряды, поддерживаемые артиллерией, «наступающей цепью дошли примерно до Сенной площади. Цепи были засыпаны пулемётным огнём поставленных на

ских казарм и военного лазарета рядом с храмом. Пехоту пошла проверять захваченные постройки. Как вспоминал потом боец А. Флягин, «...мы вошли в лазарет. Двое с винтовками и бомбами остались у входа, а мы двое пошли наверх. Лазарет был пуст, только на сколько мертвецов лежали на койках, прикрытые одеялами. Мерцающий свет пожара и теньшина с этими мертвецами свивывали жутью».

Дальнейший ход событий восстановили краеведы Шевяковы. Они писали, что «с полудня 8 июля красная артиллерия начала усиленный обстрел церкви Николая Мокрого и её колокольни. Через два часа от разрыва снаряда загорелся 2-этажный деревянный дом Винокурова. От него огонь перекинулся на такое же здание — управление квартирного отдела, которое сгорело дотла. На пожарище остались только печные трубы да остова каменной постройки архива, где сгорели все документы. Ещё через два часа загорелся дом инженера Михайлова. Убегая от огня, его покинуло всё семейство — семь человек (включая пятерых детей) и прислуга. Спасая свои жизни и остатки имущества, многие погорельцы спрятались в манеже. В это время началась атака красных на церковь Николая Мокрого. Бойцы красных прорвались к манежу и предложили погорельцам перебраться в более безопасное место, но в условиях непрекращающейся стрельбы это было невозможно. Измученные люди остались в манеже, а к вечеру 8 июля вокруг него всё горело. На развороченную снарядами крышу манежа падали горящие угли, и засыпка чердака из древесных опилок начала куриться. Люди всю ночь заливали её водой, которую приходилось носить от водопровода ведрами. Здание манежа удалось отбить от огня, который пожирал всё вокруг ночь и весь следующий день. В итоге сгорели все здания военного лазарета, кроме двух различных деревянных бараков и некоторых служебных построек. Огонь уничтожил также цейгауз, конюшни, сараи и часть зданий Никольских казарм по набережной Которосли».

9 июля на Сенной площади под ударами снарядов рухнула каланча 2-й пожарной части. 10 июля здесь загорелись торговые лари. Ветром огонь перебрался через улицу, и там запылали дома. На самой площади сгорели электротheater «Модерн», к этому времени пожар уже уничтожил также сапоговальную фабрику «Львиной с Сыновьями», спичечную фабрику И. А. Дунаева и гильзовую фабрику «Хаджи Оглу».

(Окончание следует).